

ДИНАМИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ АЛЬЯНСОВ В НЕРАВНОВЕСНОЙ МИРОВОЙ СИСТЕМЕ

© 2019 г. И. Истомин, А. Байков

*ИСТОМИН Игорь Александрович, кандидат политических наук, доцент,
МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76, (iaistomin@gmail.com).*

*БАЙКОВ Андрей Анатольевич, кандидат политических наук, доцент,
главный редактор журнала “Международные процессы”,
МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76, (a.baykov@inno.mgimo.ru).*

Статья поступила в редакцию 13.05.2018.

Асимметричные альянсы – специфическая форма военно-политических отношений, характеризующаяся принципиальным неравенством совокупных потенциалов страны-лидера и остальных членов. Авторы на основании анализа голосования в ГА ООН и поддержки действий США в Ираке в 2003 г. и против ИГИЛ в 2014–2017 гг. предлагают теоретическое объяснение логики поведения ведущего и ведомых. Показано, что нормальным поведенческим архетипом в таких союзах выступает обмен гарантий безопасности младшим партнерам на их действия по легитимации наиболее значимых внешнеполитических инициатив лидера.

Ключевые слова: США, военно-политический союз, система “оси и спиц”, война в Ираке, борьба с ИГИЛ, международная иерархия.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48

В основной массе работ по теории международных отношений целевое назначение межгосударственных альянсов, как правило, определяют в терминах “внешнего балансирования”, то есть достижения и поддержания великими державами общесистемного равновесия посредством взаимного коалиционного сдерживания. При этом альянс, иначе – официально оформленный военно-политический союз двух и более государств, видится лишь дополнительным (и гораздо реже – альтернативным) источником максимизации собственного силового потенциала в системе, где анархия продолжает оставаться ведущим порядкообразующим принципом, а лозунг “помоги себе сам” диктует базовую логику индивидуальных действий субъектов [1; 2].

На первый взгляд, закономерно и даже естественно то обстоятельство, что значительная часть этой же группы авторов, тяготеющих преимущественно к реалистскому миропониманию, оценивая преимущества и ограничения внешнего и внутреннего балансирования, отдают предпочтение “балансированию внутреннему”. Союзнические договоренности они обычно характеризуют с изрядной мерой сомнения, отмечая их незначительную надежность, а следовательно, и стратегическую ценность [3]. И это – несмотря на то, что за последние годы опубликовано несколько авторитетных эмпирических исследований, в которых с опорой на обширный фактический материал и детальный анализ условий союзнических

соглашений такой скепсис частично опровергается. Описанная в них международная практика подтверждает в целом весьма высокий уровень верности государств взятым на себя обязательствам по взаимному или одностороннему обеспечению безопасности [4].

В то же время глубина теоретического проникновения в онтологию союзнического поведения государств неудовлетворительно мала. Во-первых, сам по себе факт констатации эффективности международных альянсов как инструмента балансирования ничего не сообщает нам о динамике и мотивах действий сторон в процессе их формирования и функционирования. Но самое главное – не разработано внятной типологии альянсов с точки зрения соотношения сил между участниками альянса, как нет и корреспондирующей с этой типологией теоретической рефлексии по поводу различий в поведении и стратегии государств. Фактически, за исключением считанного числа работ системно-структурного направления (например, К. Уолтц и Ст. Уолт), в литературе относительно немного специальных публикаций, освещающих и анализирующих ситуации, при которых вхождение в альянс одного или нескольких участников государств – в силу их исходно малого потенциала – не приводит к смещению общего баланса сил в ту или другую сторону. Между тем, как будет показано ниже, ситуации именно данного типа в новейшую историю – уже не девиация, а норма *suo jure*.

В самом деле, в согласии с устоявшейся трактовкой принятие на себя государствами военно-политических обязательств полагается наиболее типичным для равновесной полицентричной системы, в которой несколько сопоставимых по комплексной мощи игроков стабилизируют систему, сочетая в отношениях друг с другом стратегии конфронтации и коалиционного балансирования [5]. Для нужд реализации последней стратегии и нужны военно-политические союзы или альянсы.

Исторический опыт, впрочем, изобилует примерами союзничества и в принципиально других условиях, в особенности в период биполярности и однополярности, то есть в ситуациях материального преобладания в мировой политике соответственно двух или одного государства. Так, в годы холодной войны две сверхдержавы обладали столь существенным отрывом в совокупных потенциалах (прежде всего военных) от других игроков, что переход отдельных стран из одного лагеря в другой не мог сколько-нибудь существенно повлиять на общую динамику конфронтации. Даже превращение КНР из советского союзника в партнера США, в сущности, не привело к трансформации структуры международной системы, хотя и воспринималось Москвой крайне болезненно.

И тем не менее: период холодной войны был отмечен формированием устойчивых, глубоко институционализированных военно-политических объединений (НАТО, ОВД, американско-японский альянс и т.д.). Несмотря на значительное материальное преобладание над своими клиентами, и Советский Союз, и Соединенные Штаты вступили в борьбу за расширение числа младших союзников, нередко проявляя готовность идти на уступки и оказывать непропорциональную — с точки зрения реалистской логики подсчета издержек — социально-экономическую помощь для цементирования их лояльности.

Еще хуже согласуется с каноническим взглядом на альянсы как на инструмент поддержания баланса сил практика 1990–2000-х годов, когда Вашингтон пошел на кардинальное расширение союзнических обязательств в рамках НАТО: число участников этого военно-политического блока, как известно, практически удвоилось. Это происходило в условиях, когда Соединенные Штаты обрели исторически беспрецедентное доминирование по большинству показателей материальных и нематериальных слагаемых мощи, а уровень междержавной конкуренции в международной системе рухнул практически “в ноль”. И вот для реалистов новая ситуация уже стала поводом для немилосердной критики американской администрации за проведение политики, не способствовавшей обеспечению национальной безопасности страны, то есть базовому императиву поведения государств.

Наличие военно-политических союзов между государствами, существенно различающимися по своим потенциалам, настоятельно требует развития теории асимметричных альянсов, центральной задачей которой стало бы объяснение готовности крупных игроков связывать себя обязательствами с партнерами, не способными к обеспечению собственной безопасности своими силами.

В настоящем исследовании будут рассмотрены основные теоретические положения, раскрывающие логику взаимоотношений участников асимметричных альянсов, а также оценена ее применимость к военно-политическим объединениям, сформированным под эгидой США. Фокусирование на опыте Соединенных Штатов определяется их целенаправленным стремлением (и кажущейся способностью) поддерживать широкую сеть формализованных союзов с государствами, значительно уступающими ей не только по потенциалу, но и по потенциальной выгоде, если в качестве таковой подразумевать возможности экономического характера.

Изучение асимметричных альянсов оказывается тем более востребованным в ситуации, когда современная международная система продолжает характеризоваться принципиальной неравновесностью, причем со все более усложняющейся структурой — как в эшелоне великих держав, так и среди остальных членов международного общества [6].

ИСТОКИ И ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ АСИММЕТРИЧНЫХ КОНФЛИКТОВ

Среди теоретиков международных отношений не наблюдается единства в определении альянсов. В типичном случае под международными союзами понимают соглашения между государствами, описывающие параметры их военно-политического взаимодействия в случае вооруженного конфликта, а также практики и процедуры сотрудничества на основе этих договоренностей [7]. Из такого определения вычитывается имплицитная антиномия формализованного типа отношений, собственно альянса, и неформальных коалиций, представляющих собой разновидность практического взаимодействия игроков, не требующую или по разным причинам не получившую юридического закрепления (в английском языке последний тип кооперации нередко обозначается как *alignment*) [8].

Представители реалистской традиции нередко отмечали недостатки такого разграничения как с практической, так и с методологической точек зрения. *Во-первых*, они указывали на то, что в условиях анархии, то есть отсутствия легитимной верховной

власти, обеспечивающей исполнение государствами своих обязательств под угрозой применения легитимных же силовых санкций, формально-правовые соглашения стоят немногим больше бумаги, на которой они записаны [9; 10]. В этой ситуации сама международная среда создает для государств очень серьезные структурные мотивы соблюдать заключенные ими договоры только в тех случаях, когда это соответствует или как минимум не противоречит их собственным интересам. Во-вторых, в международно-политической практике всегда существует вероятность заключения между государствами секретных договоренностей, формализованных по технике юридической процедуры, но фактически публично не оглашаемых.

Следует сказать, что в обоих случаях критика разграничения юридически закрепленных союзов и неформальных коалиций справедлива лишь отчасти. Во-первых, как было отмечено выше, на практике государства обычно стремятся все же выполнять взятые на себя обязательства. Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что зачастую ответственность игроков по оказанию помощи союзникам оговаривается рядом условий. Включение этих клауз в тексты соглашений свидетельствует о стремлении государств минимизировать диапазон случаев, в которых выполнять обязательства все-таки придется, и одновременно избежать негативных последствий в случае неисполнения обещаний [4]. Другими словами, можно говорить о существовании нормативной социальной структуры, в рамках которой государства практически не допускают для себя возможности открытого игнорирования принятых на себя ранее союзнических обязательств в качестве реально существующей политической опции.

Высокий нормативный ранг обязательств в рамках военно-политических объединений, на наш взгляд, объясняется прежде всего потенциальными репутационными издержками. Нарушение заключенных договоренностей в прошлом означает сужение круга возможностей для нахождения партнеров в будущем и повышает цену эвентуального сотрудничества для таких государств, поскольку в их отношении складывается образ ненадежного партнера¹. Такие негативные последствия не означают, что государства всегда приходят на помощь союзникам в случаях наступления *casus foederis*. Тем не менее юридическое закрепление военно-политической кооперации не является и пустой формальностью.

¹ Влияние репутационных издержек на поддержание международного сотрудничества отмечал еще Роберт Аксельрод [11]. Впоследствии применительно к международным союзам их значение было обосновано несколькими исследователями [12; 13].

Аналогичным образом нельзя преувеличивать риски, связанные с возможным заключением секретных договоренностей между сторонами. Международные альянсы способствуют осуществлению интересов участников в значительной степени путем сигнализирования их намерений и решимости (как партнерам по союзу, так и противостоящей стороне) [14]. В этой связи публичный характер принимаемых обязательств сам по себе выступает источником сдерживающей силы военно-политического объединения. Секретные договоренности лишены такой функции, а значит, не могут приравниваться к традиционным формальным союзам и должны быть исключены из приведенного выше рабочего определения².

Отметим, что в самом определении акцентируется военно-политический аспект сотрудничества. По существу, из утвердившегося понимания логики функционирования этих объединений прямо вытекает традиционное увязывание союзов с заинтересованностью государств укрепить собственную безопасность. В ряде случаев асимметричные альянсы действительно могут быть направлены на повышение способности их лидеров (а не только младших участников) обеспечивать оборону против реальных и предполагаемых конкурентов на международной арене. В первую очередь они оказываются полезными, когда разница в потенциалах носит существенный, но не подавляющий характер. Например, в годы холодной войны европейские участники НАТО (Великобритания, ФРГ, Нидерланды и Бельгия), хотя и не были сопоставимы с Соединенными Штатами по военным возможностям, обеспечивали большую часть конвенционального сдерживания на центральном фронте противостояния с советским блоком в Германии [16].

Кроме того, крупные государства могут быть заинтересованы в использовании географического расположения меньших стран для повышения успешности балансирования. В частности, в 1962 г. попытка размещения советских ракет на Кубе была связана со стремлением компенсировать стратегический дисбаланс между СССР и США в сфере ядерного сдерживания. Похожим образом начиная с 70-х годов XX столетия Пекин воспринимал союз между Советским Союзом и Вьетнамом как попытку окружения КНР.

Вместе с тем военно-политические и в точном смысле *геополитические* выгоды, предоставляемые младшими партнерами в асимметричных альянсах, позволяют объяснить далеко не все случаи готовности крупных стран связать себя обязательствами со слабыми и уязвимыми странами. Очевидно, что преимущества, извлекаемые из такого рода “со-

² Вместе с тем государства прибегают к ним в ряде случаев. О значении “тайных” альянсов см. [15].

трудничества”, должны сопоставляться с затратами на поддержку младших союзников и потенциальными рисками втягивания в их споры³.

В этой связи с 90-х годов минувшего века основной теорией альянсов стала модель асимметричных обменов, предложенная Джеймсом Морроу. Она рассматривает международные союзы как продукт торга между государствами относительно благ, которые они готовы предоставить друг другу в рамках объединения [21]. При этом в ходе взаимодействия они могут обмениваться различными типами выгод, а не только содействием в военно-политическом балансировании. С этой точки зрения асимметрия в альянсах определяется не только разницей в потенциалах государств, вступающих в обмен, но и характером предоставляемых партнерам благ. Наиболее распространенной формулой выступает обмен гарантий безопасности со стороны крупной державы на ограничение автономии младших партнеров, то есть, по сути, на готовность последнего следовать в фарватере ведущего в альянсе⁴. Как следствие, лидер приобретает некоторую степень контроля над проведением внешней и внутренней политики других государств.

Эмпирические исследования подтверждают не только само наличие асимметричных альянсов, но и их большую устойчивость по сравнению с союзами между равными игроками, построенными на взаимном обмене гарантиями безопасности [23]. Явный пример асимметричных обязательств воплощает американо-японский альянс (особенно его ранняя версия), в котором односторонний характер гарантий безопасности, предоставляемых США, был закреплен юридически [24]. В других случаях заключаемые соглашения могут содержать пункты, заведомо лишенные практического содержания. Например, Черногория, присоединившись к НАТО в 2017 г., формально приняла на себя обязательства по защите других участников блока. Вместе с тем ее военный потенциал объективно не позволяет рассчитывать на осуществление таких гарантий.

Существование асимметричных альянсов так же, как и функционирование других видов международных объединений, связано с постоянным торгом между лидером и младшими участниками

³ Дискуссия о способности младших участников альянсов втягивать лидера в нежелательные конфликты с конца 2000-х годов получила активное развитие. О рисках союзных обязательств см. [13; 17; 18]. Скепсис относительно способности малых стран втягивать крупных игроков в вооруженные конфликты против их воли высказывался, в частности, в [7; 19; 20].

⁴ В отечественных исследованиях подобные отношения были отражены в концепции “программирующего лидерства” М.А. Троицкого [22].

за распределение обязательств в рамках сотрудничества. Крупные державы заинтересованы в максимизации контроля над партнерами, или хотя бы в формировании статус-кво, дающего возможность такого контроля в будущем, при одновременном сокращении бремени по поддержанию их безопасности. В свою очередь младшие участники союза заинтересованы в эксплуатации патрона при сохранении возможно большей автономии [21]. С учетом постоянного изменения интенсивности угроз и – в меньшей степени – соотношения потенциалов, точка равновесия в торге постоянно скользит.

Несмотря на то что асимметричные альянсы получили академическое признание еще в работах 90-х годов XX в., ряд значимых теоретических вопросов в научной литературе пока не нашел своего разрешения. Парадоксальным образом наименее разработанной остается проблематика выгод, приобретаемых крупными державами в такого рода объединениях.

РОЛЬ АСИММЕТРИЧНЫХ АЛЬЯНСОВ В СТРАТЕГИЯХ КРУПНЫХ ИГРОКОВ

Асимметричные альянсы могут выступать строительными блоками иерархически организованных подсистем в международной политике, в известном смысле приходя на смену имперским образованиям в постколониальном мире. Американский исследователь Дэвид Лейк отмечает, что иерархические отношения в международной политике основываются на сочетании принуждения со стороны крупной державы и легитимизирующего признания ее прав младшими партнерами [25, р. 232] (в этом смысле его представления об иерархии схожи с определением гегемонии в понимании итальянского философа, основателя коммунистической партии Италии Антонио Грамши). Со второй половины XX в. наблюдалось сокращение возможностей применения открытого насилия в отношении последних. Тем не менее обе опоры власти лидера остаются необходимыми для формирования и поддержания иерархических отношений. При этом в международной системе отсутствует единая модель иерархии. В отношениях между отдельными государствами могут наблюдаться те или иные предметные вертикали субординации, охватывающие всевозможные сферы взаимодействия.

Д. Лейк специально разбирает иерархические системы в сферах экономики и безопасности. Последние в зависимости от характера обязательств младших участников он разделяет на зоны влияния и протектораты различных подтипов [25, pp. 51-59]. В первом случае государства принимают на себя обязательства воздерживаться от военно-полити-

ческого сотрудничества с конкурентами крупной державы. В рамках протектората младшие участники иерархии делегируют больший или меньший объем полномочий в осуществлении внешней и внутренней политики лидеру.

Международные союзы могут выступать в качестве инструментов формального закрепления такого рода иерархии в военно-политической сфере. В этой связи, например, Республика Корея выступает крупнейшим примером современного мягкого протектората, который в значительной степени делегировал контроль над своей внешней политикой Соединенным Штатам в рамках двустороннего альянса. Субстантивно такая субординация выражается в оперативном подчинении южнокорейских вооруженных сил американскому командованию в случае вооруженного конфликта [26, pp. 94-121]. Лидер альянса может не только обеспечивать защиту страны от внешнего противника, но и служить гарантией от обострения внутривнутриполитического противостояния. Предоставляемая им поддержка может способствовать укреплению позиций действующего правительства и ослаблению оппозиции. В этом случае цель крупной державы заключается в предотвращении дестабилизации, которая привела бы к возникновению и диффузии трансграничных угроз [27].

Хотя военно-политические союзы обеспечивают институционализацию иерархических отношений только в сфере безопасности, они также могут содействовать усилиям крупной державы по организации экономического порядка. Майкл Мастандуно в этой связи указывал на то, что зависимость других развитых стран от американских гарантий сдерживания Советского Союза побуждала их соглашаться с правилами игры, устанавливаемыми Вашингтоном в международной финансовой и торговой системах [28]. Таким образом, военно-политические союзы могут косвенно содействовать укреплению иерархических отношений в экономической сфере. В этом случае они превращаются в механизмы извлечения материальных благ. В более широком смысле Лейк указывает на три типа выгод, получаемых доминирующими державами от возглавляемой ими иерархии. *Во-первых*, они сводят к минимуму вероятность угроз собственной безопасности со стороны младших партнеров. *Во-вторых*, они приобретают возможность сформировать правила взаимодействия с другими участниками альянса в соответствии со своими приоритетами, причем не только в отношении вопросов, оговариваемых союзным договором. *В-третьих*, они используют поддержку подчиненных государств для легитимации своих действий в отношении третьих стран [25, pp. 93-99].

Следует оговорить, что под **легитимностью** здесь и далее понимается *форма социального оправдания политики ведущего субъекта путем обеспечения ему поддержки со стороны ведомых через процедурное одобрение или солидарное действие. Тем самым легитимирующие субъекты демонстрируют факт соответствия этих действий разделяемым в образуемом ими сообществе нормам о допустимых и желательных моделях поведения.*

Таким образом, большая часть выгод от асимметричных альянсов как инструментов формирования иерархии может быть связана с приобретением символических, а не материальных благ. Международно-политический статус представляет собой признание за субъектом со стороны других государств некоторых специфических прав и формирование ролевых ожиданий относительно его поведения. Стремление государств к социальному признанию отмечалось еще основателями теории международных отношений. В то же время они стали предметом углубленного научного изучения лишь в 2010-х годах [29; 30; 31]. Растущее число исследований подтвердило значение статуса как мощного источника мотивации игроков в международной политике, способного побуждать их к значительному инвестированию материальных ресурсов. В частности, потребность в социальном признании может привести государство к вовлечению в вооруженное противостояние.

Конкуренцией за статусные блага можно объяснить и интенсивность соперничества Советского Союза и США в годы холодной войны за расширение сети союзников и клиентов в Третьем мире. Во многих случаях затраты на поддержание таких клиентельных сетей не могли быть конвертированы в материальные выгоды. Вместе с тем *ориентация развивающихся государств на одну из сверхдержав использовалась последней для легитимации своей социальной, экономической и политической модели, а также наращивания блока голосов в международных институтах.*

Увязывание участия крупных держав в асимметричных военно-политических союзах со стремлением к приобретению статусных благ не вполне согласуется с магистральным направлением развития современных исследований альянсов. Центральное место в них с 2000-х годов стала занимать оценка непосредственно закрепленных обязательств участников объединения. Между тем во взаимодействии крупных держав и младших партнеров появляется еще один элемент асимметрии. В то время как гарантии безопасности, предоставляемые первыми вторым, прописываются в соглашениях, ответные обещания политической лояльности в большинстве случаев не получают юридического оформления.

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В АЛЬЯНСАХ

Разница между юридически закрепленными гарантиями безопасности со стороны крупных держав в отношении младших партнеров и неоформленными обещаниями лояльности со стороны последних порождает два ключевых вопроса, требующих теоретических пояснений. *Во-первых*, почему обязательства подчиненных государств не инкорпорируются в соглашения? Если следовать объяснению логики функционирования иерархических отношений в международной политике по Д. Лейку, то крупные державы должны получить взаимно осознаваемую возможность диктовать более слабым участникам предпочтительные для себя правила взаимодействия. Вместо этого лидеры альянсов закрепляют свои обязательства, но не требуют аналогичных гарантий со стороны младших партнеров. *Во-вторых*, почему, даже если обещания лояльности юридически не оформлены, крупные державы ожидают их реализации? Иными словами, каковы механизмы, гарантирующие выполнение младшими партнерами своей части условий сделки?

Представители конструктивистской традиции скорее всего предпочтут увязать ответ на первый вопрос с утверждением в международном сообществе нормы о суверенном равенстве и ее интернализацией государствами. Формальное закрепление статусной позиции крупной державы в качестве лидера иерархической подсистемы прямо противоречит этому фундаментальному принципу международного права и потому не может быть легализовано с помощью общепринятой юридической техники⁵. В этой связи предполагаемые амбиции крупных держав ограничиваются необходимостью приводить их действия в соответствие с нормативными ограничениями. Государства, глубоко социализированные в современную международную систему, вынуждены удерживать себя в дискурсивных рамках “организованного лицемерия”⁶. На деле действуя в иерархической логике контроля и субординации, они, тем не менее, не могут формализовать эти отношения.

Между тем отсутствию юридического закрепления подчиненного положения младших партнеров в альянсах может быть найдено и более прагматическое объяснение. Легализация статуса этих стран как государств с ограниченной автономией во внешней политике уменьшила бы их полезность для легитимации политики лидера асимметричного союза. Тот факт, что они, будучи формально полностью суверенными государства-

ми, поддерживают крупную державу на основе добровольного выбора, придает их голосу больший вес⁷. Юридическое же закрепление реально существующей иерархии дискредитировало бы саму легитимизирующую роль младших партнеров в коалиции и сделало бы сотрудничество с ними менее выгодным для лидера альянса.

Отказ от формализации политической лояльности выступает стратегическим выбором самих крупных держав. При этом, как таковая, возможность, равно как и практическая осуществимость, этого выбора свидетельствуют о “нормальности” построенного на таких условиях асимметричного взаимодействия. В противном случае асимметричные союзы были бы редки и недолговечны. Объяснение доверия крупных держав к неформальным обещаниям других участников следует связывать с самой природой обязательств при асимметричном взаимодействии. Символические проявления лояльности, правильное голосование в международных институтах и дипломатическая поддержка инициатив лидера союза — сравнительно незатратные действия. С точки зрения младших партнеров, в союзе они в большинстве случаев обходятся малой платой за получаемые гарантии безопасности⁸.

В свою очередь, для крупных держав усилия по обеспечению безопасности малых стран могут быть связаны с задействованием малозначительной доли их совокупного материального потенциала. Таким образом, отношения между участниками асимметричных альянсов можно сравнить с логикой функционирования экономических рынков на основе сравнительных преимуществ, выявленной английским классиком политической экономии Давидом Рикардо. На вероятность выполнения обязательств, очевидно, влияет сам факт соотношения материальных и организационных потенциалов участников альянса. Чем выше асимметрия, тем успешнее лидер может угрожать отказом от гарантий в ситуациях непослушания. Показательным примером в этом отношении стало приостановление членства Кубы в Организации американских государств в 1962 г. после установления в стране просоветского правительства и ухудшения американо-кубинских отношений. В крайних случаях крупное государство может пойти на прямую интервенцию⁹. Нарушение субординации

⁷ Д. Лейк проводит схожую мысль, когда указывает, что чем выше риск отказа в поддержке крупной державы в рамках многостороннего форума, тем сильнее легитимирующий эффект в случае наличия такой поддержки [25, p. 128].

⁸ Изучение взаимоотношений между союзниками в терминах экономического анализа спроса и предложений — одно из признанных направлений развития теории альянсов [34].

⁹ Д. Лейк прямо указывает на применение ограниченного насилия в качестве неотъемлемого элемента иерархических отношений [25, pp. 112-121].

⁵ О стремлении государств к конформности нормам см. [32, pp. 478-497].

⁶ Метафора была введена Ст. Краснером [33].

младшим партнером воспринимается болезненной, чем недружественная политика государства, не входящего в альянс, ибо расценивается как предательство. На протяжении холодной войны США и Советский Союз неоднократно прибегали к смещению правительств, которые подозревались в отходе от политической лояльности¹⁰.

Низкая цена исполнения обязательств и опасность навлечь ответ со стороны патрона, разумеется, не гарантируют беспрекословного исполнения обязательств младшими партнерами в асимметричных альянсах. Тем не менее они обеспечивают приемлемый уровень риска для крупных держав, при котором они считают для себя возможным пойти на заключение военно-политического союза. Хотя уровень исполнения юридически закрепленных обязательств в международных альянсах относительно высок, государства в некоторых случаях нарушают и их [35]. В случае неисполнения младшими партнерами своих обязательств и утраты статусных благ у крупной державы всегда остаются возможности пустить в ход материальный потенциал для реализации своих интересов.

АМЕРИКАНСКАЯ СОЮЗНАЯ СИСТЕМА

Рассмотренная выше логика извлечения крупными державами статусных благ из военно-политических альянсов в отношениях с более слабыми государствами согласуется с имеющимися теоретическими подходами, в том числе с построениями реалистов, которые скептически настроены в отношении межгосударственного сотрудничества. Она также подкрепляется рядом приведенных выше исторических примеров.

Тем не менее способность лидеров альянсов привлекать союзников для легитимации собственной внешней политики требует более глубокого эмпирического обоснования: значительная часть работ, посвященная иерархическим отношениям в международной политике, ограничивается указанием лишь на отдельные казусы, не предлагая систематической оценки степени лояльности участников международных союзов¹¹. Возможно, это может быть объяснено сложностью операционализации политической лояльности. Последняя

¹⁰ Американский опыт в этом отношении включал Иран (1953 г.), Гватемалу (1954), Кубу (1961), Доминиканскую республику (1961), Чили (1973), Никарагуа (1981–1987 гг.), Гренаду (1983 г.). Советский Союз также неоднократно принимал меры по дисциплинированию ненадежных союзников – Югославия (1948 г.), Венгрия (1956), Чехословакия (1968), Афганистан (1979 г.).

¹¹ Лейк прямо указывает на сложность проведения такой оценки и ограничивается достаточно общими указаниями на отсутствие лучших объяснений готовности крупных держав инвестировать в поддержание иерархических подсистем [25, pp. 132-137; 36].

может принимать множество форм и воплощаться в различных действиях. Кроме того, в отношениях между участниками союзов не всегда просто отличить эффект следования за лидером от случаев изначального совпадения интересов государств. В последнем случае роль асимметрии в альянсах девальвируется.

В настоящей работе предпринимается попытка методологически последовательно оценить роль асимметричных альянсов в легитимации политики крупной державы на примере США. Выбор Соединенных Штатов в качестве объекта для анализа определяется готовностью Вашингтона инвестировать ресурсы в поддержание и расширение инфраструктуры союзов на протяжении длительного периода времени – с середины XX века¹². Ее основы были заложены на заре холодной войны и совпали с генезисом интенсивного военно-политического соперничества с Советским Союзом. Вместе с тем американская система союзов не только не распалась после прекращения биполярности: напротив, с 1990-х годов количество союзников США в Европе возросло. И хотя с 2000-х годов Соединенные Штаты в большей степени переориентировались на выстраивание менее обязывающих форм военно-политического взаимодействия с широким кругом партнеров, традиционные международные альянсы, тем не менее, по-прежнему рассматриваются в качестве несущей опоры американского глобального присутствия.

Перечень официальных союзников США насчитывает сегодня 53 государства – члена ООН¹³. Кроме того, в нее входит Тайвань, пользующийся в международной системе частичным признанием. До 70-х годов XX в. военно-политическое сотрудничество осуществлялось на основе двустороннего американо-тайваньского договора. После признания Вашингтоном Пекина в качестве легитимного китайского правительства дипломатические отношения с Тайбэем были разорваны. Несмотря на это, Соединенные Штаты предоставляют гарантии Тайваню на основании специального закона, принятого Конгрессом.

¹² Подробнее о сети американских альянсов см. [37].

¹³ Приводимая классификация американских альянсов в значительной степени опирается на Майкла Бекли [7]. Вместе с тем она более избирательно подходит к оценке взаимоотношений США с государствами Латинской Америки. М. Бекли включает в число американских союзников все государства ОАГ вне зависимости от того, являются ли они участниками «Пакта Рио». Кроме того, в список союзников США были добавлены Черногория, а также государства, находящиеся в свободной ассоциации с Соединенными Штатами. Несмотря на то что они не обладают серьезным материальным потенциалом, их официально признанный международный статус придает им значимость в контексте данного исследования.

Большая часть военно-политических обязательств США приходится на два крупнейших многосторонних альянса — Организация американских государств и НАТО. В 1947 г. в рамках ОАГ был подписан Межамериканский договор о взаимной помощи (также известный как “Пакт Рио”) по модели организации коллективной обороны. Его членами в настоящее время, кроме США, являются 16 государств, хотя на начало 2000-х годов он насчитывал значительно больше стран. В 2012 г. Межамериканский договор покинули Боливия, Венесуэла, Никарагуа, Эквадор и Куба (участие последней было приостановлено еще в 1962 г.), а еще ранее из пакта вышла Мексика. Однако число участников НАТО на протяжении 2000–2010-х годов существенно выросло. После присоединения Черногории в 2017 г. оно увеличилось до 29 государств (включая США).

В Азии Соединенные Штаты опираются на систему двусторонних альянсов, получившую название системы “оси и спиц”. Формальные гарантии Вашингтона распространяются на пять государств (Австралию, Республику Корею, Таиланд, Филиппины и Японию). В отношении Новой Зеландии, которая входила в военно-политическую организацию АНЗЮС (*ANZUS Security Treaty — Australia, New Zealand, United States*), американские гарантии безопасности были отозваны в 1985 г. из-за разногласий по поводу доступа в страну кораблей, имеющих на борту ядерное оружие.

Еще три государства, входящие в ООН (Маршалловы Острова, Республика Палау, Федеральные штаты Микронезии), подписали договоры о свободной ассоциации с США. На основании этих документов они передали Вашингтону полную ответственность за свою оборону и безопасность. Таким образом, они также могут рассматриваться как американские союзники. Отношения с ними носят наиболее асимметричный характер среди всех приведенных примеров.

Наиболее проблематичным случаем с точки зрения отнесения к союзникам Соединенных Штатов выступает Израиль. Американские гарантии безопасности здесь не оформлены ни двусторонними соглашениями, ни внутренним законодательством США. Вместе с тем многочисленные политические декларации побуждают исследователей классифицировать американо-израильские отношения как полноценный альянс, который может быть приравнен к формальному союзу.

Соединенные Штаты также поддерживают устойчивые связи в военно-политической сфере с арабскими странами Персидского залива, не предоставляя, правда, им формальных гарантий безопасности. Кроме того, с 1980-х годов США присваивали отдельным государствам статус “клю-

чевого союзника вне НАТО”. Тем не менее этот статус не связан с непосредственными обязательствами по коллективной обороне и не может быть приравнен к традиционному альянсу.

В настоящей статье авторы отдали предпочтение консервативному подходу к определению американских союзников. К их числу отнесены только государства, которые располагают наиболее твердыми, то есть юридически закрепленными американскими обязательствами (исключение сделано лишь для Израиля). При этом рассматриваемая выборка отличается широкой вариативностью “дизайна” альянсов, включая многосторонние и двусторонние союзы, объединения, закрепленные международными и внутрисоюзными юридическими инструментами. Она также содержит представителей разных регионов мира; страны, существенно различающиеся по географическому расположению, размеру, уровню хозяйственного развития. Все представленные альянсы являются асимметричными, по крайней мере в традиционном понимании, так как в отношениях со всеми другими участниками США характеризуются существенным материальным преобладанием. Для оценки степени лояльности союзников Соединенным Штатам и их вклада в обеспечение легитимности политики Вашингтона в настоящей статье будет проанализирована степень их поддержки американской позиции в Генеральной Ассамблее ООН, а также военных операций, реализуемых коалициями под предводительством США. Рассмотрение этих примеров, как представляется, позволяет достоверно оценить различные проявления лояльности (или нелояльности) младших партнеров лидеру альянса.

Голосование в ГА ООН — рутинное действие, связанное с незначительными рисками. В условиях, когда выполнение требований резолюций государствами не является обязательным, политические потери от принятия невыгодного стране решения оказываются только репутационными. В то же время заседания Генеральной Ассамблеи происходят на регулярной основе и включают в себя обсуждение широкого круга вопросов международной повестки дня. В этой связи анализ опыта голосования позволяет оценить способность крупных игроков удерживать поддержку союзников на постоянной основе.

Инициативы, связанные с применением вооруженной силы, наоборот, представляют собой достаточно редкие случаи, касающиеся кризисных ситуаций. В них потребность в легитимации оказывается максимальной, особенно если военная операция проводится без мандата Совета Безопасности ООН. После окончания холодной войны США несколько раз выступали инициа-

торами подобных миссий. В настоящей работе рассматриваются случаи, которые входят в число наиболее знаковых и контroversных в новейшей истории: война в Ираке 2003 г. и операция против ИГИЛ, начавшаяся в 2014 г. В обоих Соединенные Штаты опирались не на институционализованные механизмы, а на *ad hoc* коалиции. При том что часть их участников принимали непосредственное участие в вооруженных действиях, от большинства требовалась лишь политическая поддержка.

ПОДДЕРЖКА АМЕРИКАНСКОЙ ПОЗИЦИИ В ООН

Генеральная Ассамблея ООН – наиболее представительная международная площадка, в работе которой принимают участие все государства – члены Организации. Работа этого института организована в режиме регулярных сессий, которые открываются в сентябре каждого года. В ходе проведенного исследования рассматривались результаты 11 сессий – с 60-й по 71-ю (проходивших в 2005–2006, 2006–2007, 2007–2008, 2008–2009, 2009–2010, 2010–2011, 2011–2012, 2012–2013, 2013–2014, 2014–2015, 2015–2016, 2016–2017 гг.).

Основной тип документов, вырабатываемых и принимаемых ГА ООН, – резолюции. В ходе одной сессии, как правило, обсуждается более 250 резолюций. Они принимаются либо консенсусом, либо путем открытого голосования. В последнем случае каждое государство – член Организации имеет один голос, а решение принимается простым большинством. В рамках настоящего исследования рассматривались только резолюции, которые ставились на голосование и, соответственно, в отношении которых мнения отдельных участников ООН расходились (табл. 1). Их число в различные годы колебалось в границах между 64 до чуть больше 80.

Резолюции ГА ООН не имеют обязательной юридической силы для государств. Ряд участников организации (например, США и Израиль) на протяжении многих лет игнорируют положения принятых Генеральной Ассамблеей документов без существенных для себя последствий. Вместе с тем сами эти резолюции, как и результат голосования по ним, обладают некоторой политической значимостью, выступая барометром настроений международного сообщества. *Полагаем, что их анализ позволяет оценить базовый уровень консолидации в рамках альянсов.*

Таблица 1. Поддержка позиции США при голосовании в ГА ООН¹

Сессия ООН	60-я	61-я	62-я	63-я	64-я	65-я	66-я	67-я	68-я	69-я	70-я	71-я
	2005–2006	2006–2007	2007–2008	2008–2009	2009–2010	2010–2011	2011–2012	2012–2013	2013–2014	2014–2015	2015–2016	2016–2017
Государства – члены ООН	0.16	0.14	0.13	0.15	0.21	0.21	0.26	0.24	0.22	0.24	0.25	0.28
Союзники США	0.27	0.23	0.23	0.24	0.35	0.32	0.41	0.36	0.36	0.38	0.41	0.43
в том числе												
НАТО	0.33	0.27	0.3	0.29	0.45	0.4	0.52	0.41	0.42	0.44	0.49	0.51
“Пакт Рио”	0.13	0.12	0.08	0.1	0.15	0.15	0.21	0.22	0.19	0.22	0.22	0.25
Австралия	0.46	0.38	0.39	0.39	0.57	0.49	0.57	0.46	0.53	0.53	0.53	0.53
Израиль	0.7	0.69	0.59	0.71	0.88	0.82	0.84	0.83	0.86	0.88	0.88	0.84
Республика Корея	0.22	0.23	0.22	0.21	0.35	0.32	0.41	0.33	0.34	0.33	0.47	0.48
Таиланд	0.09	0.08	0.06	0.09	0.13	0.12	0.21	0.21	0.17	0.21	0.22	0.24
Филиппины	0.11	0.1	0.05	0.08	0.13	0.11	0.19	0.18	0.16	0.19	0.21	0.48
Япония	0.28	0.26	0.24	0.21	0.33	0.34	0.43	0.36	0.34	0.41	0.36	0.42
Свободно присоединившиеся государства	0.61	0.56	0.52	0.57	0.69	0.64	0.7	0.63	0.66	0.57	0.55	0.59
Государства, не являющиеся союзниками США	0.11	0.1	0.09	0.11	0.16	0.17	0.2	0.2	0.17	0.19	0.2	0.22
в том числе по региональным группам ООН												
Восточная и Западная Европа и другие страны	0.27	0.22	0.24	0.23	0.36	0.32	0.41	0.34	0.34	0.34		
Латинская Америка	0.09	0.07	0.06	0.09	0.12	0.14	0.17	0.17	0.13	0.17		
АТР	0.09	0.09	0.07	0.1	0.13	0.15	0.18	0.18	0.13	0.17		
Страны ОЭСР	0.29	0.22	0.24	0.23	0.37	0.34	0.44	0.35	0.37	0.36		

¹ Результаты приводятся в процентах сходного с США случаев голосований от общего количества голосований по рассматриваемым в рамках сессии проектам резолюций.

Источник: здесь и табл. 2 разработка авторов.

В процессе принятия проекта резолюции в ГА ООН каждое государство может проголосовать либо в его поддержку, либо против него, либо воздержаться. Кроме того, оно может вообще не участвовать в обсуждении. Таким образом, существует четыре возможных варианта поведения участника. В ряде зарубежных исследований рассматриваются только те случаи, когда государства участвуют в голосовании. В то же время само по себе отсутствие представителя на заседании может выступать сигналом со стороны игрока, поэтому в рамках настоящей работы учитывались все возможные варианты поведения по каждой резолюции в рамках изучаемых сессий.

В ходе анализа голосование каждого государства сопоставлялось с голосованием США по этой же резолюции. На материале этих данных для всех государств – членов ООН была рассчитана доля случаев, когда они занимали схожую позицию с Соединенными Штатами в рамках отдельной сессии ГА ООН. В табл. 1 полученные результаты агрегированы по группам стран.

Используемая процедура предполагает рестриктивный подход к оценке уровня поддержки позиции США другими участниками ООН. Поскольку по большинству резолюций большинство государств голосует положительно, любые формы отказа от прямого одобрения документа, который неудобен Соединенным Штатам, в принципе могли бы быть интерпретированы как уступка Вашингтону. Вместе с тем в рамках настоящей работы авторы посчитали более корректным сосредоточиться на наиболее очевидных случаях проявления поддержки лидера иерархии. Ограничением проведенного анализа выступает игнорирование сравнительной значимости отдельных резолюций. На практике для Соединенных Штатов потребность в легитимации их позиции в различных вопросах может быть неодинаковой. Некоторые темы обсуждаются в ГА ООН на регулярной основе ежегодно, и голосование по ним носит символический характер. Вместе с тем в данном случае представляется оправданной оценка общего уровня поддержки американской позиции по широкому кругу вопросов международной повестки дня. Готовность партнеров по альянсам содействовать легитимации политики Соединенных Штатов в значимых для Вашингтона ситуациях будет рассмотрена на примере их участия в *ad hoc* коалициях.

Главной характеристикой американской позиции по вопросам, обсуждаемым ГА ООН, на протяжении длительного времени остается ее крайняя непопулярность среди государств-членов. Мнение США и большинства участников организации совпадает в среднем лишь в четверти случаев. Подобное положение определяется доминированием

в Генеральной Ассамблее развивающихся стран, которые нередко используют эту площадку для выражения недовольства общим распределением благ в современной международной системе.

При этом чаще, чем любые иные государства в ГА ООН, консолидированно с США голосует Израиль. Подобная конвергенция во многом объясняется тем, что Тель-Авив, так же как и Вашингтон, аномально часто (для рассматриваемого органа) выступает против обсуждаемых документов.

Остальные американские союзники из числа развитых стран голосуют солидарно с США гораздо реже. Несколько чаще других позицию Вашингтона поддерживают представители англосаксонского мира – Австралия, Великобритания, Канада. Однако в целом государства – члены НАТО, Республика Корея, Япония голосуют так же, как и Соединенные Штаты, менее чем в половине случаев.

Любопытно, что даже государства, находящиеся в положении свободной ассоциации с Соединенными Штатами и делегировавшие последним значительную часть своего суверенитета, выступают с ними единым фронтом в ГА ООН менее чем в 60% случаев. Голосование партнеров США по Пакту Рио, а также Таиланда и Филиппин мало отличается от общей практики, характерной для развивающихся стран. В частности, латиноамериканские союзники Вашингтона придерживаются схожей с ним позиции лишь на несколько процентов чаще, чем государства региона в среднем. Но в целом союзники голосуют схожим с Соединенными Штатами образом в 2 раза чаще, чем государства, которые не входят в возглавляемые Вашингтоном военно-политические объединения.

Как видно, проведенный анализ не дает возможности с определенностью утверждать о решающей роли асимметричных альянсов в повышении легитимности американской позиции в ГА ООН. Показано, что солидарно с США чаще всего голосуют развитые страны, составляющие существенную долю американских союзников. В то же время удостовериться в том, что они делают это исходя из солидарности с лидером альянса, а не из общих интересов “золотого миллиарда” на основании только проанализированных данных, невозможно. В этом контексте существенным представляется то, что страны – участницы ОЭСР, на которые не распространяются американские гарантии, голосуют заодно с США примерно так же часто, как и союзники Вашингтона в среднем, но не так часто, как союзники из числа развитых стран. Поведение других союзников Соединенных Штатов позволяет с высокой вероятностью постулировать наличие слабой положительной связи между американскими гарантиями безопасности и поддержкой позиции Вашингтона в ГА ООН.

ЛЕГИТИМАЦИЯ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ США СОЮЗНИКАМИ

Военная операция в отношении Ирака в 2003 г. была инициирована США после нескольких провальных попыток заручиться поддержкой в Совете Безопасности ООН и НАТО. Ввиду отсутствия международно-правовых оснований американских действий и выраженных протестов ряда традиционных союзников (в первую очередь Германии и Франции) Вашингтон особенно остро нуждался в легитимации собственных действий.

В данной ситуации он объявил о создании “коалиции желающих”, которая и была призвана обеспечить политическое оправдание его действий. Непосредственно в операции против иракской армии участвовали, кроме американских войск, вооруженные силы Австралии, Великобритании и Польши. Однако всего позицию в ее поддержке декларировали 48 государств, многие из которых впоследствии также предоставили небольшие (зачастую символические) контингенты по завершении боевой фазы операции и переходу к оккупационной стадии. С учетом потребности США в широкой коалиции, в число “желающих” вовлекались даже страны, не обладающие вооруженными силами (в том числе все три островных объединения, находящиеся в положении свободной ассоциации по отношению к Соединенным Штатам) [38]. Операция против ИГИЛ, начавшаяся в 2014 г., вызвала меньшее сопротивление: она осуществлялась не в отношении суверенного правительства, а против организации, признанной в качестве террористической даже странами, не поддерживающими глобальную стратегию США в целом и на Ближнем и Среднем Востоке, в частности.

Военные действия велись на территории Ирака и Сирии. Причем Багдад не только предоставил Соединенным Штатам и их партнерам право вести вооруженную борьбу на своей территории, но и активно добивался подключения США к военно-

му противодействию ИГИЛ. И хотя распространение операции на Сирию происходило против воли Дамаска, действия США получили поддержку их ключевых союзников, выступавших против войны в Ираке, а также были скреплены одобрением НАТО. Созданная в результате коалиция оказалась даже более многочисленной по сравнению с 2003 г. На 2017 г. в нее входило 70 государств. Кроме того, большее число партнеров, чем в иракском случае, согласилось внести реальный вклад в боевые операции. При этом Соединенные Штаты не стали добиваться поддержки откровенно маргинальных стран, чье участие дискредитировало бы политику Вашингтона. В частности, они не стали привлекать в коалицию малые островные государства Карибского моря, а также представителей Микронезии.

Анализ состава обеих коалиций подтверждает существенную разницу в уровне поддержки США со стороны союзников и государств, не имеющих американских военно-политических гарантий (табл. 2). Даже крайне противоречивую войну в Ираке поддержало больше половины стран, состоящих с США в альянсах. В коалицию против ИГИЛ вошли почти две трети их союзников.

Таким образом, у нас есть основания зафиксировать следующие констатации. Обе операции поддержали все участники двусторонних альянсов с США из Азиатско-Тихоокеанского региона, кроме Таиланда. Военно-политический союз с последним уже долгое время лишен практического наполнения и существует только на бумаге. Другие же азиатские партнеры оказывали существенное содействие Соединенным Штатам, даже несмотря на то что конфликты на Ближнем и Среднем Востоке напрямую не затрагивали их безопасность. Такой результат подтверждает гипотезу о том, что *двусторонние союзы обеспечивают лидеру большую лояльность младших партнеров, чем многосторонние форматы* [26].

Таблица 2. Уровень поддержки военных операций, инициированных Соединенными Штатами, со стороны их союзников и государств, не входящих в альянсы с США

Возглавляемые США коалиции	Ирак (2004)		ИГИЛ (2017)	
	количество стран	%	количество стран	%
Государства – члены ООН ¹	47	0.24	68	0.35
Союзники США ²	25	0.51	34	0.63
Союзники США и кандидаты в НАТО (2003) ³	32	0.56	–	–
Государства, не являющиеся союзниками США ⁴	26	0.16	36	0.26

¹ Не включают Тайвань и Косово – образования, поддержавшие американские коалиции.

² Включают государства, являвшиеся союзниками США в 2003 и 2017 гг. соответственно. Включают Тайвань.

³ Включают государства, которые присоединились к НАТО в 2004 г. на основании решения, принятого в 2002 г. Включают Тайвань.

⁴ Для коалиции против ИГИЛ включают Косово – частично-признанное государственное образование, не входящее в ООН.

Парадоксальным образом операцию против ИГИЛ из числа государств Латинской Америки поддержала только Панама, тогда как в меньшую “коалицию желающих” 2003 г. вошло сразу несколько представителей “Пакта Рио”. С учетом выхода пяти государств из Межамериканского соглашения можно было бы предположить, что подобная динамика связана с общим снижением поддержки США в регионе. Вместе с тем оно может отражать меньшую требовательность Вашингтона к периферийным союзникам в условиях относительно большей поддержки со стороны других государств.

Значительную прибавку легитимности операции против ИГИЛ по сравнению с войной в Ираке обеспечило единство НАТО в 2010-х годах в противовес расколу в предыдущее десятилетие. В созданную Дж. Бушем мл. “коалицию желающих” вошло лишь чуть больше половины евро-атлантических союзников. Ко времени возникновения проблемы ИГИЛ их число увеличилось в 1.5 раза, но при этом они все продемонстрировали готовность следовать за США. Рост поддержки коалиции против ИГИЛ по сравнению с иракской ситуацией обеспечили в первую очередь государства Ближнего и Среднего Востока (в 2003 г. из их числа открыто за проведение операции высказался только Кувейт). Кроме того, на стороне США в 2010-х годах оказались внеблоковые страны Европы, а также большее число африканских стран, Малайзия и Сингапур из АТР. Все они открыто прокламировали несогласие с политикой Вашингтона в 2003 г.

Обработанный материал содержит очевидные свидетельства в пользу тезиса о мобилизационном эффекте асимметричных альянсов. В обоих рассмотренных случаях в “коалициях желающих” степень вовлечения государств, на которых распространяются американские гарантии безопасности, была выше, чем средний уровень поддержки позиции Соединенных Штатов в ГА ООН. Такой результат свидетельствует о способности лидера альянсов успешнее привлекать к легитимации своих действий младших партнеров в конфликтных ситуациях, когда их содействие особенно востребовано.

Вместе с тем даже в коалицию по борьбе с ИГИЛ вошли не все союзники США. Значительное число участников альянсов уклонилось от легитимации американских действий. Разница в характере поведения союзников Соединенных Штатов и всех других государств не может быть отнесена только на счет случайности. В обоих рассмотренных случаях явно прослеживается влияние союзнической лояльности. Более того, проанализированные примеры позволяют опровергнуть ряд альтернативных объяснений. В частности, вхож-

дение в обе коалиции американских союзников, представляющих различные регионы мира, свидетельствует против гипотезы о наличии изначально общего интереса безопасности. Столь различные государства, как Филиппины, Польша и Панама (поддержавшие США в обоих случаях), вряд ли могут быть заподозрены в схожести соответствующих доктрин. Одновременно сложно объяснить поведение стран и уровнем экономической зависимости. Показательно, что многие государства Латинской Америки (в том числе Мексика, входящая в зону свободной торговли с США) не поддержали американские операции, несмотря на интенсивность взаимной торговли.

Опыт формирования “коалиции желающих” против Ирака свидетельствует о том, что США обладают возможностями принуждения к поддержке малых и бедных развивающихся стран. В то же время ни одну из двух операций не поддержали крупные развивающиеся державы. Среди участников коалиций, инициированных США, не оказалось не только России и Китая, но и Бразилии, Индии, ЮАР, Индонезии. В этом смысле разумно обобщение, согласно которому экономический потенциал и уровень индустриального развития государств могут выступать важными переменными, определяющими вероятность поддержки инициатив Вашингтона.

Вместе с тем возможности разграничения влияния экономических переменных и эффекта асимметричных союзов осложняются их высокой взаимной корреляцией. Из числа крупных развивающихся стран к числу участников американских альянсов относится лишь Бразилия и Турция. В обоих рассмотренных случаях вторая поддержала Соединенные Штаты, а первая – нет.

* * *

Несбалансированность архитектуры современной международной системы задает мощные структурные предпосылки для более широкого распространения практик формирования асимметричных альянсов. На наш взгляд, одной из функций (или следствий) таких объединений является консолидация иерархических подсистем в мировой политике. Асимметрия в них проявляется в трех измерениях.

Во-первых, они представляют собой союзы между крупными державами и государствами, существенно уступающими первым по своим материальным возможностям. При этом разрыв в демографических, экономических и военных потенциалах отдельных участников объединения может достигать нескольких порядков.

Во-вторых, участники преследуют при создании таких альянсов различные цели. В то время как

более слабые государства рассчитывают на них как на инструменты укрепления собственной безопасности, лидеры союзов воспринимают их как средство повышения собственной легитимности.

В-третьих, в рамках асимметричных объединений юридическое закрепление получают военно-политические гарантии со стороны крупных держав, но не обещания лояльности со стороны младших партнеров. При этом такая асимметрия может быть выгодна самим лидерам альянсов, если они способны обеспечить достаточный уровень легитимации собственных действий с их помощью.

Анализ опыта взаимодействия Соединенных Штатов и их союзников в 2000–2010-х годах подтверждает, что участники асимметричных альянсов в среднем более склонны поддерживать лидера объединения как в ООН, так и в рамках *ad hoc* коалиций. Такого рода лояльность не может быть удовлетворительно объяснена с помощью альтернативных теорий (в частности, исходящих из географического расположения, интенсивности экономических взаимосвязей с США и даже уровня экономического развития).

В то же время степень дисциплинированности отдельных бенефициаров американских гарантий безопасности варьирует в широких пределах, а их поддержка далеко не безусловна. Таким образом, асимметричные альянсы, хотя и выступают полезными механизмами внешнеполитической стратегии крупных держав, дают им лишь ограниченные возможности контроля над поведением союзников. В случаях, рассмотренных в работе, степень исполнения младшими партнерами неформальных обязательств по поддержке лидера была существенно

ниже, чем уровень выполнения юридически закреплённых военно-политических гарантий, выявленный в предыдущих исследованиях альянсов.

Вариативность архетипов поведения союзников продолжает составлять серьезный теоретический вызов исследователям международных альянсов. Одним из возможных и потенциально плодотворных векторов научного поиска на этом поле может стать более дробная классификация асимметричных альянсов со стороны как ведущих, так и ведомых государств. В первом случае речь может идти об интеграции в аналитическую модель фактора статусной ранжировки лидеров альянса в мировой иерархии. Во втором разумно говорить о кластеризации стран – младших партнеров с точки зрения их исходных мотивов присоединения к альянсу, например, в духе предложенной Ст. Уолтом дихотомии балансирующей и примыкающей стратегий, которыми государства руководствуются при принятии решения об изначальном присоединении к военному союзу. В этом же контексте продуктивным может оказаться включение в исследовательский алгоритм наработок теории бюрократической политики, а также методологии школы внешнеполитического анализа с целью более структурированного учета внутригосударственных мотивов в союзническом поведении (например, фактор участия в альянсе с целью (де)легитимации политического режима). Настоящее исследование, не претендуя на полноту покрытия всей проблематики поведения государств в союзах, демонстрирует один из возможных подходов к ее разработке.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20170).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Waltz K.N. *Theory of international politics*. Long Grove, Illinois, Waveland Press, 1979. 251 p.
2. Morrow J.D. Arms versus Allies: Trade-offs in the Search for Security. *International Organization*, 1993, vol. 47, no. 2, pp. 207-233.
3. Parent J.M., Rosato S. Balancing in Neorealism. *International Security*, 2015, vol. 40, no. 2, pp. 51-86. DOI: 10.1162/ISEC_a_00216
4. Leeds B.A., Long A.G., Mitchell S.M.L. Reevaluating alliance reliability: Specific threats, specific promises. *Journal of Conflict Resolution*, 2000, vol. 44, no. 5, pp. 686-699. DOI: 10.1177/0022002700044005006
5. Christensen T.J., Snyder J. Chain gangs and passed bucks: Predicting alliance patterns in multipolarity. *International Organization*, 1990, vol. 44, no. 2, pp. 137-168. DOI: 10.1017/S0020818300035232
6. Womack B. *Asymmetry and International Relationships*. New York, Cambridge University Press, 2016. 244 p.
7. Beckley M. The myth of entangling alliances: Reassessing the security risks of US defense pacts. *International Security*, 2015, vol. 39, no. 4, pp. 7-48. DOI: 10.1162/ISEC_a_00197
8. Walt S. *The Origins of Alliances*. Ithaca. London, Cornell University Press, 1987. 321 p.
9. Carr E. *Twenty years' crisis 1919–1939: an introduction to the study of international relations*. London, Macmillan, 1940. 247 p.
10. Morgenthau H. *Politics among Nations; the Struggle for Power Peace*. New York, Higher Education, 1948. 489 p.
11. Axelrod R. Effective choice in the prisoner's dilemma. *Journal of Conflict Resolution*, 1980, vol. 24, no. 1, pp. 3-25. DOI: 10.1177/002200278002400101
12. Gibler D.M. The costs of renegeing: Reputation and alliance formation. *Journal of Conflict Resolution*, 2008, vol. 52, no. 3, pp. 426-454.

13. Crescenzi M.J.C., Kathman, J.D., Kleinberg, K.B., Wood R. M. Reliability, reputation, and alliance formation. *International Studies Quarterly*, 2012, vol. 56, no. 2, pp. 259-274. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2011.00711
14. Smith A. Alliance formation and war. *International Studies Quarterly*, 1995, vol. 39, no. 4, pp. 405-425. DOI: 10.2307/2600800
15. Bas M., Schub R. Mutual Optimism as a Cause of Conflict: Secret Alliances and Conflict Onset. *International Studies Quarterly*, 2016, vol. 60, no. 3, pp. 552-564. DOI: 10.1093/isq/sqw002
16. Mearsheimer J.J. *Conventional Deterrence*. Ithaca, New York, Cornell University Press, 2017. 296 p.
17. Layne Ch. *The peace of illusions: American grand strategy from 1940 to the present*. Ithaca, Cornell University Press, November 2007. 304 p.
18. Posen B.R. *Restraint: A new foundation for US grand strategy*. Ithaca, Cornell University Press, 2015. 256 p.
19. Kim T. Why alliances entangle but seldom entrap states. *Security Studies*, 2011, vol. 20, no. 3, pp. 350-377. DOI: 10.1080/09636412.2011.599201
20. Narang N., Mehta R.N. *The unforeseen consequences of extended deterrence: Moral hazard in a nuclear client state*. *Journal of Conflict Resolution*, 2017. Available at: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0022002717729025> (accessed 03.06.2018).
21. Morrow J. D. Alliances and asymmetry: An alternative to the capability aggregation model of alliances. *American Journal of Political Science*, 1991, vol. 35, no. 4, pp. 904-933. DOI: 10.2307/2111499
22. Троицкий М.А. Концепция “программирующего лидерства” в евроатлантической стратегии США. *Pro et Contra*, 2002, т. 7, № 4, сс. 86-103 [Troitskii M.A. Kontseptsiya “programmirusyushchego liderstva” v evroatlanticheskoi strategii SShA [Concept of Programming Leadership in the Euro-Atlantic Strategy of the USA]. *Pro et Contra*, 2002, vol. 7, no. 4, pp. 86-103.]
23. Bennett D.S. Testing alternative models of alliance duration, 1816–1984. *American Journal of Political Science*, 1997, vol. 41, no. 3, pp. 846-878. DOI: 10.2307/2111677
24. Истомин И.А., Водопьянов К.Г. Трансформация американо-японского союза. *Международные процессы*, 2016, № 1(14), сс. 121-142. [Istomin I.A., Vodop'yanov K.G. Transformatsiya amerikano-yaponskogo soyuza [Transformation for the American-Japanese Alliance]. *International Trends*, 2016, no. 1(14), pp. 121-142.] DOI: 10.17994/IT.2016.14.1.44.10
25. Lake D.A. *Hierarchy in international relations*. Ithaca, Cornell University Press, 2009. 232 p.
26. Cha V.D. *Powerplay: The Origins of the American Alliance System in Asia*. Princeton, Princeton University Press, 2016. 352 p.
27. David S.R. Explaining third world alignment. *World Politics*, 1991, vol. 43, no. 2, pp. 233-256. DOI: 10.2307/2010472
28. Mastanduno M. System maker and privilege taker. *World Politics*, 2009, vol. 61, no. 1, pp. 121-154.
29. Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C., eds. *Status in World Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 2014. 324 p.
30. Renshon J. *Fighting for Status: Hierarchy and Conflict in World Politics*. Princeton, Princeton University Press, 2017. 328 p.
31. Ward S. *Status and the Challenge of Rising Powers*. New York, Cambridge University Press, 2017. 274 p.
32. March J.G., Olsen J.P. *The logic of appropriateness*. *The Oxford Handbook of Political Science*. Goodin R.E., Tilly Ch., eds. Oxford, Oxford University Press, 2009, pp. 478-497.
33. Krasner S.D. *Sovereignty: organized hypocrisy*. Princeton, Princeton University Press, 1999. 280 p.
34. Olson M., Zeckhauser R. An economic theory of alliances. *The review of economics and statistics*, 1966, vol. 48, no. 3, pp. 266-279. DOI: 10.2307/1927082
35. Leeds B.A. Alliance reliability in times of war: Explaining state decisions to violate treaties. *International Organization*, 2003, vol. 57, no. 4, pp. 801-827. DOI: 10.1017/S0020818303574057
36. Brooks S., Wohlforth W. *America Abroad: The United States' Global Role in the 21st Century*. Oxford, Oxford University Press, September 2016. 288 p.
37. Истомин И.А. “Дилемма альянсов” в развитии военно-политических союзов США. *Ситуационный анализ. Вып. 5: международные институты в современной мировой политике*. Под общ. ред. Шаклеиной Т.А. Москва, МГИМО-Университет, 2017, сс. 215-265. [Istomin I.A. “Dilemma al'yansov” v razvitii voenno-politicheskikh soyuzov SShA [“Alliance Dilemma in the Development of Military and Political Alliances of the USA]. *Situatsionnyye analiz. Вып. 5: mezhdunarodnye instituty v sovremennoi mirovoi politike* [Situational Analysis. Issue 5: International Institutions in the Current World Politics]. Shakleina T.A., ed. Moscow, MGIMO-University, 2017. pp. 215-265.]
38. Newnham R. “Coalition of the bribed and bullied?” US economic linkage and the Iraq War coalition. *International Studies Perspectives*, 2008, vol. 9, no. 2, pp. 183-200.

DYNAMICS OF INTERNATIONAL ALLIANCES IN AN UNBALANCED WORLD STRUCTURE*(World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no. 1, pp. 34-48)**Received 13.05.2018.**Igor A. ISTOMIN (iaistomin@gmail.com),**Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Vernadskogo Prosp., 76, Moscow 119454, Russian Federation.**Andrey A. BAYKOV (a.baykov@inno.mgimo.ru),**Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Vernadskogo Prosp., 76, Moscow 119454, Russian Federation;**“International Trends”, Vernadskogo Prosp., 76, Moscow 119454, Russian Federation.**Acknowledgements. The article has been supported by a grant of the Russian Science Foundation. Project no. 17-78-20170.*

Interstate military alliances have long been in the lens of theoretical and empirical research of international relations scholars. The classical view of alliances treated them as a tool for balancing amongst roughly equal players in a multi-polar anarchical environment. Meanwhile, the practice of international relations at least from the second half of the 20th century testifies to the rise of asymmetrical alliances as a new major type of military-political institutions. In such formations, a hegemon, characterized by an overwhelming preponderance in terms of its aggregate material (primarily military) capability cooperates with one or several largely inferior players from the standpoint of their comprehensive power. Traditional balancing theories are not in a position to satisfactorily account for the motivation and dynamics of the parties' behavior in alliances of this type. In the present study, based on an analysis of voting data in the UN GA and on the record of supporting U.S. actions against both Iraq in 2003 and ISIS in 2014–2017, the authors offer their theoretical explanation of the logic of participants' conduct in asymmetric alliances. They hypothesize and evidence that in exchange for military security guarantees, small and middle countries provide legitimization of unpopular foreign policy actions of the hegemon. The exchange of different types of goods represent the second type of asymmetry in the studied institutions. There is also a third dimension to it: whereas commitments of major powers are formally recognized in alliance establishing agreements, political obligations of its weaker partners remain mostly informal. However, this lack of legal expression of the allegiance to the hegemon could, the authors argue, turn out in the latter's own interests, as it increases the legitimating effect of support from the allies. In addition, a side effect of building a global client network of junior partners is the cementation of hierarchic structures under the patronage of the United States. The latter is an attempt by Washington to limit and ultimately transcend both the anarchic nature of the international environment and the ensuing low predictability of the global security environment,

Keywords: The United States, military-political alliances, the „axis and spokes“ system, the war in Iraq, the fight against ISIS, international hierarchies.

About authors:

Igor A. ISTOMIN, Doctor of Political Science, Associate Professor, Department of Applied International Analysis.

Andrey A. BAYKOV, Doctor of Political Science, Associate Professor, Vice-Rector; Editor-in-Chief.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48